

Общеввропейская идентичность на примере южных стран ЕС в контексте миграционного кризиса 2015–2016 гг.*

Е. В. Хахалкина, К. П. Андреев

Томский государственный университет,
Российская Федерация, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

Для цитирования: Хахалкина Е. В., Андреев К. П. Общеввропейская идентичность на примере южных стран ЕС в контексте миграционного кризиса 2015–2016 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 377–395. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.308>

В статье ставится задача выявить воздействие миграционного кризиса 2015–2016 гг. на состояние общеевропейской идентичности и ее соотношение с уровнем национального самосознания на примере трех южных стран ЕС — Греции, Италии и Испании, принявших на себя основное бремя по приему и размещению беженцев. Актуальность поставленной проблемы обусловлена не только продолжающимся притоком нелегальных мигрантов в ЕС, но и вынесением на повестку дня вопросов укрепления солидарности внутри Евросоюза на фоне миграционных вызовов и потребности в качественно новом осмыслении роли национального государства в быстро меняющихся международных условиях. Авторы на основе обработки значительного массива статистических материалов и опросов общественного мнения приходят к трем важным выводам: 1) Италия и Испания относятся к государствам с неявно выраженной национальной идентичностью, Греция, наоборот, с самого начала пребывания в Европейских сообществах представляла собой образец ярко выраженного национального самосознания, со временем пришедшего в столкновение с уровнем европейской идентичности; 2) население рассматриваемых стран при известном уровне скептицизма в целом соотносит себя с Евросоюзом, более того, такие достижения ЕС, как свобода границ, не вызывают в динамике ни резкого отторжения, как можно было бы допустить на фоне миграционных проблем, ни сильного чувства поддержки. Скорее, наоборот, все указанные страны в большей степени обеспокоены состоянием экономики и ростом безработицы; 3) миграционный кризис 2015–2016 гг. почти не оказал заметного воздействия на чувство сопричастности ЕС в Греции, в то время как в Италии и Испании, наоборот, ситуация ухудшилась и фактор нелегальной миграции на время заметно снизил уровень поддержки «Единой Европы» в этих странах.

Ключевые слова: национальная идентичность, идентичность ЕС, солидарность, границы, иммиграция.

Миграционный кризис 2015–2016 гг. поставил перед странами Евросоюза ряд сложных вопросов, ответы на которые отнюдь не сводятся к тому, какие именно коррективы следует внести в общую миграционную политику ЕС и на какой

* Исследование выполнено в рамках работ по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых ученых — докторов наук на 2018–2019 гг. по теме «Национальная идентичность в условиях открытых границ ЕС (на примере отдельных стран Евросоюза)» (МД-4122.2018.6).

основе принимать новых беженцев и мигрантов. Сложившаяся ситуация затронула основополагающие принципы существования самого Европейского союза, а именно «открытые границы» как одну из четырех свобод (наряду со свободным передвижением товаров, капиталов и услуг), зафиксированных еще в рамках Римского договора о создании ЕЭС 1957 г. С одной стороны, возникшие на уровне Брюсселя и национальных государств дебаты о продолжении сохранения «открытых границ» привели к ограничениям в действии шенгенского режима в 2015 г., с другой стороны, Брюссель не намерен отказываться от этого принципа как такового, рассматривая возникшие трудности как временные и поставив задачу не допустить подобно-го впредь. Однако даже общий спад численности мигрантов не снял с повестки дня обозначенные вопросы, в более широком контексте связанные с будущим общеевропейской идентичности и возможностями укрепления солидарности стран ЕС.

Именно через южные страны Европы устремились заметно возросшие на фоне «Арабской весны» миграционные потоки, обозначив самый острый за весь период после Второй мировой войны миграционный кризис в ЕС. Хотя основная масса беженцев направляется в более развитые страны (ФРГ, Францию и другие), именно Греция, Испания и Италия столкнулись с необходимостью временного размещения и в прямом смысле слова спасения беженцев, пытающихся добраться до ЕС через Средиземное море. Весь мир был шокирован фотографией погибшего трехлетнего сирийского мальчика, найденного на одном из пляжей Турции. Мальчик погиб, когда две лодки, перевозившие сирийских беженцев из турецкого города Бодрум на остров Кос в Греции, потерпели крушение. Из почти двух десятков человек выжили только семеро. Этот трагический, но, к сожалению, рядовой эпизод лишний раз подтвердил, что миграционная проблема в ее разных составляющих — не частное дело отдельных политиков, Брюсселя или национальных властей. Это проблема всего европейского и мирового сообщества, и она затрагивает способность группы стран — в данном случае Евросоюза — решать глобальные проблемы сообща, на основе принципов единства и солидарности, не перекладывая бремя на периферийные страны.

Греция, Испания и Италия входят в число стран, которые вплоть до настоящего времени по-прежнему регистрируют значительное количество заявок на предоставление убежища. В пик миграционного кризиса в 2015 г. в Италии было подано 84 085 заявлений, в Испании — 14 780 [1], в Греции — 11 370 [2]. Всего в ЕС — 1 255 640 [2]. Даже после спада количества беженцев указанные страны остаются в лидерах по числу заявок на убежище: в 2017 г. на первом месте находилась ФРГ (198 тыс. заявителей, или 31 % поданных заявлений), за ней следовали Италия (127 тыс., или 20 %), Франция (91 тыс., или 14 %), Греция (57 тыс., или 9 %), Соединенное Королевство (33 тыс., или 5 %) и Испания (30 тыс., или 5 %) [3].

Такое положение дел явно требует глубокого анализа кейсов отдельных стран для понимания специфики ситуации в каждом конкретном случае и прогнозирования будущего развития ситуации. Прежде чем приступить к рассмотрению отдельных кейсов, определимся с терминологией. Под «национальной идентичностью» мы понимаем чувство отождествления и соотнесения себя с определенной общностью граждан конкретного государства через противопоставление «свой — чужой». Авторы также разделяют представления социального конструктивизма о том, что коллективная идентичность (в статье затрагивается несколько ее уров-

ней — региональная, национальная и общеевропейская) — это множественная динамичная категория, на формирование и проявление которой оказывают влияние разновекторные факторы, как потенциально способные привести к ее укреплению, так и разрушающие ее функции как «скрепы» общества и его иммунитета перед лицом таких угроз, как наплыв беженцев, терроризм и др. Для выявления эволюции национальной идентичности в ее преломлении с общеевропейским уровнем в контексте миграционного кризиса 2015–2016 гг. авторы использовали такие методы, как сравнительный и дискурсивный анализ, работу со статистикой и опросами общественного мнения.

Следует также оговориться, что авторы не претендуют на исчерпывающий анализ представленных в статье кейсов и преследуют цель на заявленных источниках через «свободные границы» как компоненту общеевропейского самосознания выявить эволюцию национальной идентичности на примере обозначенных стран.

Кейс: Греция

Греция как национальное государство появилась в XIX в. в результате революционного восстания с требованием возрождения греческой национальности и независимости от Османской империи. В качестве базиса греческой идентичности послужили единая история греческого народа — от догомерийской эпохи до классической Греции, географическое положение, язык и религия [4; 5].

В XX в. греческая идентичность конструировалась в условиях противостояния сторонников и противников монархии. В результате вспыхнувшей в 1940-е годы гражданской войны в Греции был восстановлен монархический строй. В 1959 г. Греция подала заявку на вступление в Европейские сообщества, однако два года спустя ей был предоставлен только статус ассоциированного члена ЕЭС. Однако реализация достигнутой договоренности «застыла» после установления в апреле 1967 г. военной диктатуры и вновь стала «активной» после восстановления демократического правления в июле 1974 г. и принятия новой Конституции, зафиксировавшей создание в Греции республики.

Новое греческое руководство было нацелено на интеграцию страны в Европейские сообщества уже в качестве полноправного участника. В июле 1976 г. начались переговоры между Брюсселем и Афинами об условиях вступления, завершившиеся подписанием Договора о присоединении к Европейским сообществам. С 1 января 1981 г. Греция стала полноправным — десятым — членом наднациональных интеграционных структур [6].

После вступления с особой силой высветилась значимость фактора национальной идентичности для будущего Греции и Европейских сообществ. Многие греки видели в ЕЭС угрозу своей национальной идентичности, что, бесспорно, препятствовало (и препятствует до сих пор) полной культурной и политической интеграции в Европейские сообщества / Европейский союз и его институты. Греческая православная церковь до сих пор имеет гораздо большее влияние на греческое население, чем институты и принятая в 1980-е годы символика ЕЭС.

В Брюсселе вступление Греции мыслилось как мощный инструмент для укрепления демократии как в самой Греции, так и в целом как компоненты общеевропейской идентичности. «Зеленый свет» вступлению был дан не только по этим

соображениям, но также и по геополитическим причинам: в Сообществе проводили стратегию увязывания европейской интеграции с развитием либеральных демократических ценностей и национальной безопасности [7].

Эта стратегия требовала времени и поступательного развития страны. Греция же в 1990-е годы столкнулась с серьезным вызовом своей национальной идентичности, когда стремительно начала превращаться из государства-донора в государство — реципиента иммигрантов из Центральной и Восточной Европы и стран бывшего Советского Союза. Наплыв иностранцев — в 1991–2000 г. в Грецию прибыли 630 тыс. чел. [8] — обострил социально-экономические проблемы страны и фактически стал нерегулируемым явлением. Произошедшие трансформации объяснялись прежде всего географическим положением Греции в качестве восточных «ворот» ЕС, с обширными береговыми линиями и легко пересекаемыми границами, а также наличием вакансий на рынке труда для низкоквалифицированных кадров [9].

Новый вызов привнес мировой финансовый кризис, обозначившийся в 2008–2009 гг. Экономика Греции вошла в фазу глубокой рецессии. В ЕС разразился так называемый долговой кризис, или кризис еврозоны. Греция, Португалия, Ирландия, Испания и Кипр не смогли погасить или рефинансировать свой государственный долг. В 2010 и 2012 гг. Греция получила 240 млрд евро от ЕС на проведение структурных реформ с целью выхода из кризиса [10], однако состояние греческой экономики продолжало ухудшаться.

Экономические проблемы совпали с новым притоком иммигрантов. В 2008–2010 гг. Греция оказалась в центре европейского и мирового общественного внимания по причине неспособности принять и разместить увеличившийся приток иммигрантов из стран Африки и Ближнего Востока. Европейский суд по правам человека неоднократно осуждал Грецию за несоблюдение основных прав мигрантов и просителей убежища, однако греческие власти вплоть до настоящего момента ссылаются на нехватку финансовых средств для решения проблемы нелегальных мигрантов [11].

В сложившихся условиях закономерным стал спад поддержки ЕС со стороны населения Греции. По образному выражению греческой исследовательницы А. Карамузи, богатый опыт участия в разнообразных союзах сформировал у греков тенденцию рассматривать эти альянсы, в том числе Европейское сообщество, или «как панацею, которая может излечить все проблемы страны... или как чуму, от которой происходят все беды страны» [7]. В 2009 г. только 53 % греков ощущали себя европейцами — один из самых низких показателей среди всех стран Евросоюза [12].

В 2015 г. с приходом к власти «Коалиции радикальных левых сил» во главе с А. Ципрасом («Сириза») был поднят вопрос о Грексите (Greese + Exit), выходе Греции из зоны евро и в дальнейшей перспективе — выходе из Союза. На референдуме 2015 г. большинство населения отвергло предложения тройки кредиторов (ЕС, ЕЦБ и МВФ) о мерах жесткой экономии в обмен на финансовую помощь. Несмотря на итоги референдума, Греция была вынуждена принять помощь кредиторов и провести ряд болезненных структурных реформ в экономике и социальной сфере.

Однако темпы роста греческой экономики оставались низкими и во время действия программы финансирования Греции кредиторами (1,4% в 2017 г [13]), и после ее завершения в августе 2018 г. Страну ждет период длительного восста-

новления. В 2016 г. в докладе Европейского банка реконструкции и развития было зафиксировано, что в 2010–2016 гг. «92 % греческих домохозяйств пострадали от экономического кризиса...» Согласно отчету, «к концу 2015 г. ВВП Греции сократился на 26 % по сравнению с уровнем 2008 г., уровень безработицы увеличился на 17 %, а безработица среди молодежи взлетела почти до 50 %» [14]. Эксперты сделали вывод, что «в результате этой драматической ситуации» в Греции наблюдается самый низкий уровень удовлетворенности жизнью во всем регионе с переходной экономикой [14].

Этим данным вторят материалы службы «Евробарометр». Согласно отчету, представленному осенью 2017 г., 58 % греков — самый высокий показатель среди стран Евросоюза — не удовлетворены своей жизнью [15]. Экономическую ситуацию в стране 98 % греков оценили «абсолютно плохо». Аналогичная оценка была зафиксирована и при ответе на вопрос о занятости. При этом экономическую ситуацию в ЕС греки оценивают лучше (только 52 % дали ответ «плохо»), что в определенном смысле свидетельствует о том, что Греция воспринимает себя как одно из самых пострадавших государств, оставшихся на обочине ЕС.

Надо заметить, что в динамике наблюдается симптоматичная картина — на протяжении длительного времени (и до, и после кризиса еврозоны) опросы «Евробарометра» фиксируют «неудовлетворенность» греков жизнью. Согласно данным за 1983 г., т. е. спустя всего лишь два года после вступления в ЕЭС, греки по таким показателям, как «удовлетворение уровнем жизни» и «уровень счастья», оказались на самом последнем месте [16]. Однако по такому показателю, как «удовлетворение функционированием демократии», греки были на четвертом месте после Германии, Дании и Люксембурга. Тем самым греки признавали важную роль Европейских обществ в укреплении демократических институтов в стране, но по общему самоощущению были явно недовольны положением своей страны в наднациональных группировках [16].

В 2000 г. вновь только 42 % греков (самый низкий показатель среди стран ЕС) отмечали «удовлетворенность» жизнью [17]. В целом анализ этого и других отчетов «Евробарометра» показывает, что Греция проявляла себя как одно из самых заинтересованных государств в укреплении своей роли в ЕС. Греция с самого начала пребывания в наднациональных структурах оказалась «трудным пассажиром» в поезде «Единой Европы»: географическая, экономическая и ментальная «маргинализация» страны сформировала довольно сложную конструкцию идентичности ЕС — как системы, в основе которой лежит потребность в признании за Грецией статуса не «младшего», а равного ведущим странам ЕС партнера. Учитывая, что страна значительно уступает по уровню социально-экономического развития и политическому весу странам «ядра», наблюдается несоответствие желаемого имеющемуся потенциалу.

Однако следует заметить, что полностью на рельсы евроскептицизма в годы, предшествующие долговому кризису, Греция становиться не собиралась. Греки поддерживали введение единого гражданства в рамках Маастрихтского договора, единой валюты и Евроконституции. Проблема в том, что на перманентно фиксируемый показатель «неудовлетворенности жизнью» и положением Греции в ЕС в разные периоды времени наслаивались негативные экономические факторы, которые в настоящее время не позволяют говорить о перспективах преодоления кризиса

общеевропейской идентичности в Греции. Если в 2003 г. 42 % населения Греции относили себя к национальному и европейскому уровню, а 51 % — к национальному уровню [18], то в 2017 г. 99 % греков соотносят себя только со своим государством, и это самый высокий показатель в ЕС [15].

Симптоматично, что Греция не отвергает все составляющие общеевропейской идентичности. Такой ставший неоднозначным на фоне миграционного кризиса 2015–2016 гг. показатель, как «свободное передвижение людей, товаров, услуг внутри ЕС», в среднем по ЕС стабильно рассматривается на протяжении ряда лет как наиболее важное достижение наднационального интеграционного проекта. В 2017 г. в Греции эту позицию поддерживали 66 % населения [15]. Решающее значение для Греции еще в годы, предшествующие долговому кризису, имели другие элементы идентичности ЕС, а именно «безработица, экономическая ситуация в стране и повышение цен (инфляция)». Проблема иммиграции, а также угроза терроризма, защита окружающей среды и др. не вызывали значительного интереса у греков. Так, в 1991 г. только 29 % греков заявили, что иммигрантов слишком много [19]. В условиях резкого притока беженцев в 2015–2016 гг. отношение к иммиграционной проблеме как таковой заметно изменилось. В 2016 г. на вопрос: «В какой степени Вы согласны со следующим утверждением: иммигранты вносят значительный вклад в Вашу страну?» 78 % греков заявили, и это один из самых высоких показателей, что «не согласны» с этим предположением [20].

Согласно данным весны 2018 г., греки по разным позициям выразили недовольство существующей политикой по приему беженцев и мигрантов, а также состоянием интеграции мигрантов в общество принимающих государств. На вопрос: «В целом в какой степени Вы хорошо информированы о вопросах иммиграции и интеграции мигрантов?» 69 % греков ответили, что «не хорошо». Это не самый низкий показатель: самыми «неинформированными» странами оказались Болгария — 80 %, Венгрия — 81 %, Словакия — 76 % и Румыния — 77 %. Именно эти государства, как известно, в период кризиса выразили резкое несогласие с политикой Брюсселя по приему беженцев и введенной в 2015 г. системой квот [21].

Несмотря на спад численности беженцев, сложная ситуация сохраняется на греческом острове Лесбос и других островах Эгейского моря (Хиос и Самос), где с началом миграционного кризиса были построены лагеря для временного содержания прибывающих беженцев. В 2017 г. глава Лесбоса С. Галинос сравнил существующие лагеря, испытывающие нехватку средств и кадров, с «концентрационными лагерями, в которых отрицается все человеческое достоинство» [22]. Как видно, проблема продолжает существовать.

В целом на примере Греции можно сделать вывод о том, что миграционный кризис 2015–2016 гг. в определенном смысле стал «последней каплей» в череде факторов, обусловивших кризис общеевропейской идентичности Греции. Миграционный фактор усилил антиевропейские настроения и способствовал укреплению чувства национальной самоидентификации. Отношение греков к Европейскому союзу до сих пор остается амбивалентным, противоречивым: при высокой поддержке отдельных компонентов общеевропейской идентичности (свободной мобильности, истории, культуры) греческое население почти не соотносит себя с уровнем ЕС в целом. Греция на сегодняшний день остается последовательным, непримиримым евроскептиком, хотя, в отличие от Великобритании, всерьез о выходе из ЕС не раз-

мышляет. Одна из причин такого положения дел кроется в отсутствии внятных альтернатив. Впрочем, с этой проблемой уже столкнулась Великобритания, которая, как выяснилось, гораздо теснее интегрирована в структуры ЕС, чем полагали в Лондоне. Более того, фактор свободных границ остается одним из несомненных преимуществ для стран-участниц ЕС.

Кейс: Италия

Италия сформировалась как единое государство в период Рисорджименто в последней трети XIX в. В XX в. страна пережила установление в 1922 г. фашистского режима при сохранении монархического строя, крах режима в 1943 г. и оформление уже после Второй мировой войны республики с новой Конституцией и запретом на воссоздание деятельности фашистских партий и организаций.

Желание Италии «реабилитироваться» за фашистский период в глазах европейской и мировой общественности диктовало ее максимальное включение в создаваемые на Западе интеграционные политические и экономические структуры. В 1952 г. Италия стала одним из государств — основателей наднациональных структур. В 1951 г. она подписала наравне с другими участниками — ФРГ, Францией и странами Бенилюкс — соглашение о создании Европейского объединения угля и стали, которое год спустя после ратификации вступило в силу. С тех пор Италия является последовательным сторонником европейской интеграции и по праву считается одной из ведущих стран Евросоюза.

Немногочисленные исследования по вопросам итальянской национальной идентичности подчеркивают ее сложный и противоречивый характер. Современные ученые отмечают, что первостепенную роль в формировании национальной идентичности страны сыграли ее особое место в мировой истории, роль региональных объединений и критическое отношение к роли идентичности в национальном самосознании. Эти тезисы находят косвенное подтверждение в работах Р. Карточчи, который отмечал, что с момента окончания Второй мировой войны до конца XX в. дебаты и дискуссии относительно итальянской национальной идентичности носили фрагментарный характер, отличались слабостью аргументации и неоднородностью исследовательского материала [23, р.142–160], что зачастую оказывало серьезное влияние на выводы, сделанные на основе различных количественных исследований.

Проблему отсутствия научных работ по теме национальной идентичности и связи нации с государством не раз поднимал видный итальянский интеллектуал Г. делла Лоджа, отмечавший, что пренебрежение этими темами достигло своего пика ровно в тот момент, когда Италия переживала болезненную трансформацию от страны эмигрантов к стране иммигрантов в середине 1980-х годов [24]. Согласно исследованию Дж. Агню, слабая выраженность национальной идентичности в Италии обуславливается также неравномерностью восприятия общей культуры разными регионами на территории страны [25, р.3]. Э. Вулф называет политику как таковую еще одной причиной «провала» общей итальянской национальной идентичности. По мнению исследователя, в разные периоды времени политические деятели и фракции «толковали» определенные периоды жизни истории страны сообразно своим интересам, которые зачастую не соотносились с интересами их предшественников и/или последователей [26, р.49].

Тем не менее имеющиеся исследования итальянской идентичности в динамике указывают на стабильное сохранение чувства гордости за страну, народ и историю. Однако, несмотря на стойкое чувство уважения к своим корням и истории, в обществе уже несколько десятилетий преобладают «роевропейские» настроения. Согласно результатам ежегодных опросов «Евробарометра», на протяжении 2000-х годов в стране незначительный, хотя и стабильный, спад сопричастности населения общеевропейской идентичности. На рубеже веков 15 % респондентов ставили на первое место свою принадлежность к «Единой Европе», а 56 % признавали себя «европейцами» и «итальянцами» одновременно [17]. Подобные тенденции сохранялись и в последующие годы, однако в 2004 г., во время приема в ряды ЕС стран ЦВЕ, отношение к общеевропейской идентичности претерпело изменения: 35 % респондентов считали себя только итальянцами, тогда как «европейцами» себя называл 61 % опрошенных [27].

На волне другого вызова — финансового кризиса 2008 г. — лишь 40 % итальянцев рассматривали пребывание страны в ЕС как позитивный момент [28], тогда как в 2009 г. эта цифра выросла уже до 45 % [12]. Еще одной причиной стабильной веры в ЕС и принадлежность к «европейцам» можно назвать недоверие общества политическим институтам страны. Этот тезис был озвучен видным итальянским социологом И. Диаманти, который указал на разницу между высокой степенью национальной гордости и сильным недоверием государственным институтам [29]. Отсутствие доверия не столько продиктовано современным состоянием дел в государстве, сколько сложилось исторически.

Серьезным вызовом с точки зрения национальной идентичности для Италии стал иммиграционный вопрос. Последствия конфликтов и кризисов на Ближнем Востоке спровоцировали массовый наплыв иммигрантов на территорию страны в 1970–1980-е годы. К ответу на эту угрозу страна оказалась не готова, тем более что ситуацию усугубила новая волна иммигрантов из Албании и Югославии. Эту проблему не удалось решить с помощью административных мер; более того, обнажился целый ряд новых трудностей, включающих межэтнические отношения и конфликты, неэффективность мультикультурной стратегии, потерю национальной однородности и вспыхнувшую с новой силой проблему Севера и Юга. Углубление расхождений по линии «Север — Юг» лишь крепло и ширилось на протяжении первого десятилетия XXI в., оказавшись серьезным испытанием для страны и общества после начала миграционного кризиса 2015–2016 гг., когда Италия стала одной из главных целей для тысяч иммигрантов из разных стран.

Общество отреагировало на эти угрозы. Если в 2014 г., перед началом кризиса, всего 3 % респондентов были обеспокоены наметившимися иммиграционными тенденциями, то уже через год эта цифра выросла до 35 %, а в 2016 г. составила 59 % от общего числа опрошенных. Опрос общественного мнения в странах ЕС, проведенный агентством Ipsos MORI, показал, что 71 % опрошенных считает, что государство движется в неправильном направлении, приветствуя политику предоставления убежища беженцам с Южного миграционного маршрута [30]. В том же году заместитель министра иностранных дел М. Жиро подчеркнул, что проблема иммигрантов является общеевропейской, подвергнув критике соседние страны за их нежелание принимать иммигрантов в целом и с территории Италии в частности. В ответ на это министр внутренних дел Австрии В. Сobotка пригрозил за-

крытием общей итало-австрийской границы в случае, если поток иммигрантов на общей границе между странами продолжит расти [30].

В 2017 г. итальянское правительство разработало новый план для регулирования иммиграционной политики и политики предоставления убежища. Его сутью стало направление значительных средств на урегулирование наиболее острых вопросов, однако данный законопроект вызвал серьезную критику. Например, эксперты высказали мнение, что финансовые инвестиции «оттеняют» основную идею законопроекта: снизить приток иммигрантов за счет упрощения процедуры депортации, расширить систему наказаний и сроков задержания для иммигрантов с неопределенным статусом, предоставить неоплачиваемую работу для иммигрантов, находящихся в ожидании предоставления убежища, и упростить процедуру предоставления статуса «беженец» через снижение гарантий на получение статуса [31].

Результаты недавнего исследования общественного мнения, проведенного в ряде европейских стран при поддержке неправительственной организации *More in Common* и международной благотворительной организации *The Social Change Initiative*, показали, что число респондентов, обеспокоенных потерей своей национальной самобытности и идентичности, растет. В Италии особую тревогу вызывает вопрос южных границ и регионов страны. Респонденты характеризуют демографическую ситуацию на юге как «вызывающую беспокойство», однако при этом 72 % опрошенных позитивно оценивают политику предоставления убежища, а 61 % серьезно обеспокоен ростом правых настроений и дискриминации. Лишь 17 % опрошенных разделяют позицию правых итальянских партий, настроенных враждебно по отношению к иммигрантам [32].

При этом такой элемент общеевропейской идентичности, как «свободное передвижение людей, товаров, услуг внутри ЕС», согласно данным «Евробарометра» 2018 г., в Италии поддерживает 51 % населения, это средний показатель, свидетельствующий о заинтересованном отношении населения Италии к этому базовому принципу ЕС [33]. При этом итальянцы по-прежнему недовольны миграционной политикой ЕС. 62 % итальянцев на вопрос: «В целом в какой степени Вы информированы о вопросах иммиграции и интеграции мигрантов?» ответили, что «плохо информированы». Это один из самых высоких показателей и четкий сигнал властям исправить ситуацию [33].

Тревога населения, как показывают социологические данные, носит преувеличенный характер. Так, на вопрос: «Сколько иммигрантов, по Вашему мнению, от общей численности страны?» респонденты в среднем назвали цифру 24,6 %. Это самый высокий показатель среди всех стран Евросоюза, и он превышен более чем в три раза: согласно официальным данным Евростата, в Италии 7,0 % иммигрантов [33].

Обеспокоенность проблемами, вызванными увеличением притока иммигрантов, стала фигурировать как один из ключевых политических лозунгов на парламентских выборах в марте 2018 г. Все политические силы включили миграционную проблематику в свои программы.

По итогам выборов ни одна из партий не получила абсолютного большинства мест в парламенте. После затянувшегося обсуждения было сформировано коалиционное правительство под руководством Дж. Конте в составе партий «Лиги Севера» и «Движения пяти звезд». Одним из ключевых предвыборных обещаний

Дж. Конте и его команды было стремление существенно ограничить приток нелегальных иммигрантов. Воплощает в жизнь данный лозунг и новый министр и глава МВД М. Сальвини (представитель правой политической партии «Лига Севера»), еще летом 2018 г. объявивший своей главной целью не просто борьбу с нелегальной иммиграцией, но полное перекрытие миграционных маршрутов в Италию [34]. Несмотря на снижение притока иммигрантов, Сальвини по-прежнему активно следует озвученному курсу. Летом 2018 г. было принято решение о запрете приема судов с беженцами на борту в итальянских портах для «борьбы с мафией, торговлей людьми, а также защитой территории от опасных элементов и “фальшивых беженцев”» [35]. Еще одной важной причиной, по мнению министра, является необходимость наделения полиции большими полномочиями для более эффективного контроля ситуации на местах [34].

Свою решимость в вопросах иммиграционной политики М. Сальвини продемонстрировал уже в первую неделю нахождения на посту министра, фактически запретив судну неправительственной организации SOS Méditerranée «Aquarius» вхождение в итальянские порты под тем предлогом, что судно должно быть направлено в ближайший безопасный порт, которым оказался порт неподалеку от побережья Мальты. Спустя несколько дней в обратном от Италии направлении — к берегам Ливии — были направлены два судна с иммигрантами на борту [36].

Кабинет премьер-министра одобрил этот жесткий курс М. Сальвини, включая изменение статуса мигрантов на территории Италии и упрощение процедуры депортации. Согласно новому законопроекту, отменяется право на предоставление гуманитарной помощи и защиты тем, кто не получил статус беженца, но по ряду причин не мог быть выслан из страны. Предполагается заменить предоставление гуманитарной помощи и защиты специальной системой поддержки мигрантов, которая позволит ограничить статус иммигрантов — жертв природных катастроф и людей, страдающих серьезными заболеваниями. Причиной для разработки данного законопроекта стал тот факт, что большинство приезжающих являются не беженцами из зоны военных действий, а экономическими иммигрантами. Осенью 2018 г. законопроект был принят как «Декрет о безопасности и миграции», в котором были отражены основные идеи М. Сальвини: сокращение расходов правительства на урегулирование миграционных вопросов и упрощение процедуры депортации иммигрантов [37].

Согласно статистике итальянского правительства, в конце 2018 г. поток нелегальных иммигрантов снизился на 80% [38]. Это наглядно демонстрирует и количество поданных на рассмотрение заявок на предоставление убежища: в 2016 и 2017 гг. были поданы 123 тыс. и 130 тыс. заявок соответственно, тогда как уже в 2018 г. (в период с января по октябрь) — 47 тыс. [39]. В 2017 г. более 50% заявок были отклонены, а в остальных случаях лишь каждый четвертый получал возможность «гуманитарной защиты». Новый декрет должен существенно увеличить число отклоненных заявок, а изменения в принципах предоставления гуманитарной помощи и защиты — облегчить процедуру депортации и снизить количество тех, кто может получить право на пребывание на территории Италии даже после получения разрешения на пребывание [38]. Таким образом, новый кабинет министров еще больше ужесточил миграционную политику.

На сегодняшний день антииммигрантская риторика в стране не утратила своей силы. М. Сальвини организует встречи с лидерами Венгрии и Австрии, так-

же столкнувшихся с проблемой нелегальных иммигрантов. Несмотря на то что сегодня миграционный вопрос не стоит так остро, как два года назад, Сальвини по-прежнему налаживает контакты с «Национальным фронтом» и отдельными представителями Движения желтых жилетов во Франции, «Альтернативой для Германии» и другими националистически настроенными партиями в надежде оказать давление на Европейскую комиссию, чтобы добиться централизованного приема и распределения беженцев [40].

Политические успехи нового правительства и позитивное отношение итальянского общества к предпринимаемым шагам наглядно демонстрирует скептицизм, царящий в стране. Если в 2010 г., согласно ежегодным опросам общественного мнения *Demos*, 11 % причисляли себя к европейцам и 46 % относили себя к «итальянцам» [41], то сегодня лишь 8 % от общего числа опрошенных считают себя частью «Единой Европы». Стоит отметить, что процент «итальянцев» существенно не изменился (45 %) [42].

Таким образом, сегодня Италия уже не является страной с однозначно позитивной идентичностью ЕС. Произошло усложнение природы и структуры идентичности ЕС, хотя ситуация остается подвижной и требует более детального анализа. В целом миграционный кризис 2015–2016 гг. оказал определенное воздействие на итальянское общество, на фоне не до конца решенных экономических проблем и правой националистической риторики в стране усилились антииммиграционные настроения, однако они не привели к кризису общеевропейской идентичности или отторжению «европейского проекта».

Кейс: Испания

Еще одним ярким примером слабовыраженной национальной идентичности является Испания. Страна официально вошла в состав Европейских сообществ с 1 января 1986 г. К этому времени здесь все еще сильным было влияние франкистского наследия — в 1939 г. после трехлетней гражданской войны в стране установилась военная диктатура под руководством генерала Ф. Франко, завершившаяся со смертью лидера в 1975 г. В том же году в стране официально была восстановлена монархия во главе с представителем династии Бурбонов, правившей страной до установления республики в 1932 г. Королем стал Хуан Карлос I, передавший трон в 2014 г. своему сыну Филиппу IV.

На момент вступления Испания вслед за Грецией «выпадала» из общего ряда государств, входивших в состав общего рынка. Страна уступала по уровню социально-экономического развития и укорененности демократических институтов странам — основателям Сообщества и объективно нуждалась во времени для того, чтобы сбалансировать темпы своего развития с другими членам ЕЭС и главное — для окончательного самоопределения.

Исследователи фиксируют отсутствие ярко выраженной национальной идентичности в Испании. Этому есть две ключевые причины. Первая — наличие вопроса национального меньшинства в многонациональном испанском государстве. Вторая — режим Франко. Закрытость страны от внешнего мира, политическая ориентация на страны арабского и латиноамериканского регионов, националистическая риторика и противопоставление Испании и Запада, наряду с авторитаризмом,

мотивированным угрозами извне, способствовали самоизоляции страны от соседей по континенту. Противники режима в 1970–1980 гг. также содействовали ослаблению испанской идентичности — возникновение националистических движений в Каталонии, Стране Басков, Галисии и Андалусии было с энтузиазмом встречено левыми политическими силами. Например, активно разжигались ненависть и негативное отношение к символам испанской государственности (флагу, гимну), а также всячески подчеркивались территориальные особенности отдельных регионов (история, состав населения, язык, культура и т. д.) [43, p. 12]. Отсутствие единого мнения относительно национальной и территориальной идентичности в отдельных регионах также способствовало не только локальным партийным спорам, но и тому, что вопрос идентичности незаметно стал предметом политических споров на общенациональном уровне. Эта проблема продолжила существовать и после падения режима диктатуры, вылившись в продолжающийся до сих пор спор относительно того, чем является испанская нация, испытавшая в XX в. сначала поворот от монархии к республике и затем от республики к диктатуре и обратно к монархии. Размах таких «политических качелей» объективно не способствовал укреплению чувства идентификации политиков и гражданского общества с Испанией [44].

Таким образом, режим и его последствия привели к тому, что самим испанцам страна часто представлялась в качестве отсталой в политическом, экономическом, социальном и интеллектуальном плане территорией. Поэтому демократизация, модернизация и европеизация рассматривались в качестве своего рода панацеи от бед прошлого. Вступление Испании в ЕС отметилось не только стремительным экономическим ростом, но и сменой отношения к своей стране: на протяжении 1990-х годов независимые опросы общественного мнения подчеркивали рост национальной гордости, сохранявшийся вплоть до экономического кризиса 2008 г., наряду с коррупционными скандалами спровоцировавшего упадок чувства гордости за свою страну и принадлежность к ней [43, p. 12]. Опросы, проводившиеся независимой научно-исследовательской организацией *Real Instituto Elcano*, наглядно демонстрируют последствия снижения веры в национальную идентичность испанцев. Если в 2002 г. (расцвет испанской экономики) 90 % респондентов чувствовали «сильную» или «ощутимую» принадлежность к испанскому народу, то в 2015 г. (пик кризиса) произошло незначительное падение доли таких респондентов до 85 % [45].

Другим важным показателем является рост количества респондентов, которые чувствуют себя «немного» или «совсем не испанцами» (с 10 % до 15 %) [45]. Аналогичную картину демонстрируют и результаты опросов «Евробарометра» за аналогичные периоды. В 2002 г. 96 % респондентов соотносили себя с Испанией и «Единой Европой», тогда как лишь 3 % считали себя только испанцами [46]. Значительно от данных независимых исследований отличаются данные «Евробарометра» за 2015 г., согласно которым 62 % испанцев «не мыслят существования их страны за пределами ЕС». Испания оказалась на 10-м месте, пропустив вперед такие страны, как Люксембург, Ирландия, Мальта, Нидерланды, Германия, и ряд других [47].

Исследования *Real Instituto Elcano* позволяют сделать вывод о наличии стойких и широко распространенных проевропейских настроений. Согласно опросам, 59 % испанцев чувствуют сильную связь с «Единой Европой», что на 2 % больше, чем было в 2002 г. Кроме того, 44 % респондентов против 40 % в 2002 г. считали, что они «почти не имеют» или «не имеют вовсе» ничего общего с другими жителями

европейских стран [45]. Данные «Евробарометра» в динамике фиксируют проевропейское отношение испанцев: в 2008 г. на пике экономического кризиса лишь 6 % опрошенных относились к ЕС в негативном ключе, тогда как в среднем по ЕС эта цифра была равна 14 % [28].

Другим наглядным примером сильной приверженности испанцев к европейским ценностям является поддержка общеевропейской политики. Исследование, проведенное агентством *The Pew Research* в 2016 г., показало, что жители Пиренейского полуострова наименее склонны к утвердительному ответу на вопрос: «Стоит ли ЕС передать право политических решений странам-членам?». Лишь 35 % опрошенных согласились с тем, что какая-то часть политических полномочий должна быть передана государствам. Для сравнения: 68 % греков и 65 % британцев считают так же. В общей сложности 57 % испанцев полагают, что «распределение полномочий должно остаться на прежнем уровне» и «национальные государства должны передать больше полномочий институтам ЕС», тогда как в Греции и Великобритании эти цифры были равны 26 % и 31 % соответственно [48].

Следует заметить, что «открытие» Испании для Европы повлекло за собой смену миграционной парадигмы: из страны эмиграции она превратилась в страну иммиграции. Произошедшие трансформации объяснялись стремительным экономическим ростом с конца 1980-х годов, обусловившим ряд социальных и культурных перемен. Африка, Латинская Америка и Восточная Европа стали основными поставщиками иммигрантов, которые стремились в страну для получения работы. В период с 2000 по 2010 г. на территорию Испании въехало около 5 млн чел., а доля граждан, рожденных за границей, увеличилась более чем в четыре раза — с 1,5 млн до 6,5 млн [49]. Также вырос и процент жителей иностранного происхождения — с 10 до 14 %, включая натурализованных иммигрантов [49].

Однако смена миграционной парадигмы и приток иммигрантов не только не спровоцировали общественного и политического неприятия новой реальности, но, наоборот, пробудили чувство солидарности в испанском обществе и направили политические усилия на реформирование норм регуляции иммиграционных потоков, которые впоследствии были успешно имплементированы в общие нормы и модели для всего Европейского союза. Кроме того, несмотря на серьезные экономические потрясения последних лет и стабильно высокий уровень безработицы, Испания по-прежнему остается относительно терпимым и дружественным к иммигрантам государством.

В этом контексте летом 2018 г. повышенный интерес мировой общественности, рядовых граждан и представителей различных политических партий Испании привлекла проблема роста числа иммигрантов в сравнении с другими европейскими странами. Испания приняла в 1,5 раза больше иммигрантов (почти 28 тыс. чел.), чем Италия (1,5 тыс.) и Греция (16,5 тыс.), что вызвало настоящую бурю в политических кругах. Так, представители правых партий открыто выступили против «превращения страны в африканский анклав», спровоцировав активную полемику в обществе [50]. Ситуация осложнялась тем фактом, что каждый из кабинетов испанского правительства проводил последовательную политику снижения численности иммигрантов, прибывающих на территорию страны начиная с первого иммиграционного кризиса 2006 г., спровоцированного массовым наплывом выходцев из Сенегала, Мавритании и Марокко.

Попытки использовать иммиграцию в качестве орудия на предстоящих досрочных выборах в парламент в 2019 г. вызвали жесткий отпор в политических кругах. Исследователь в области миграции и член Испанского национального исследовательского совета А. Гонсалес призвал не воспринимать серьезно антииммиграционную пропаганду: «В 2017 г. в Испанию въехали 28 тыс. иммигрантов, годом ранее это число было вдвое меньше. Подобная тенденция сохраняется на протяжении нескольких лет, поэтому цифры не являются открытием» [51].

Позитивный курс в отношении иммигрантов обещал поддерживать премьер-министр Испании М. Рахой, однако в 2015 г. вместо 18 тыс. беженцев было принято менее 1 тыс. чел. Подобная непоследовательность в решениях его кабинета не только дала повод для роста правых политических настроений, но и спровоцировала сильный общественный резонанс. Одними из самых серьезных по своему масштабу и численности выступлений стали протестные акции в Каталонии. Около 160 тыс. чел. вышли на улицы Барселоны в марше несогласных с иммиграционной политикой правительства [52]. Одной из причин подобного отношения общества к иммигрантам является тот факт, что они не занимают ниши рынка труда, которые считаются исконно испанскими. Наоборот, иммигранты зачастую оказываются на низкоквалифицированных работах, на которые не претендуют испанцы. Этот факт способствует толерантному и солидарному отношению к иностранным гражданам, которые, несмотря на крайне высокий уровень безработицы, не «отбирают» рабочие места у коренных испанцев [53, p. 17].

И хотя в целом отношение населения страны к иммигрантам и иностранцам, проживающим в стране (10 % от общей популяции), позитивное, в 2015 г. «Евробарометр» зафиксировал снижение идентификации со страной. В сравнении с 2002 г., когда 90 % респондентов чувствовали себя «испанцами», в 2015 г. эта цифра была равна уже 85 %, в то время как прямо пропорционально выросла доля тех, кто перестал ощущать себя частью единой нации — с 10 до 15 % [54]. Однако сами цифры не демонстрируют серьезного перекоса в большинстве регионов.

Стоит отметить, что, по данным опросов, в стране наблюдается стабильное поступательное снижение поддержки всех элементов, предлагаемых к оценке в опросах Европейской комиссии в качестве компонентов национальной идентичности. В 2002 г. 86 % респондентов чувствовали себя тесно связанными с испанской культурой, однако в 2015 г. количество оценивших этот аспект позитивно было равно 80 %. Еще более внушительным оказался регресс по отношению к государственным символам: уважение к гимну — 73 % в 2002 г. против 58 % в 2015 г., национальный характер — 72 % против 48 % и т. д. [54].

Особого внимания заслуживает такой аспект, как доверие политической системе. Если в начале XXI в. 79 % респондентов высказывались за поддержку актуального политического курса, то в 2015 г. их доля составила лишь 61 % [54]. Зреющее недовольство политическими и экономическими проблемами в стране привело к отставке кабинета министров под руководством социалиста П. Санчеса. В апреле 2019 г. должны состояться внеочередные парламентские выборы, победу в которых, по убеждению большинства испанцев и согласно результатам различных опросов общественного мнения, вполне могут одержать правоцентристские силы. Лидеры правых партий обозначили спектр основных задач — стабилизация экономики, создание рабочих мест, а также нормализация обстановки в Каталонии.

Образованная коалиция правых и ультраправых в Андалусии — Народная партия, Сьюдаданос и Vox — активно пропагандирует новый курс, основой которого должно стать ужесточение иммиграционной политики. В официальном аккаунте партии Vox в социальной сети Twitter после успеха в Андалусии появилась запись следующего содержания: «Поздравляем с началом Реконкисты!» [55]. Исторический термин, использовавшийся для описания процессов борьбы за испанские территории и против экспансии мавров, стал своеобразным лозунгом партии, в котором без особого труда угадываются антииммигрантские лозунги. Успех партии объясняется очень легко: в данном регионе в противовес большей части Испании настроения далеки от нейтральных — только за 2018 г. Андалусия приняла порядка 57 тыс. беженцев с берегов Африки (больше, чем любая европейская страна, включая Италию и Грецию) [56].

Тем не менее главными «болевыми точками» для испанцев остаются не иммигранты, а высокий уровень коррупции и безработицы, провалы региональных программ здравоохранения и образования. В целом же испанцы демонстрируют стабильный уровень приверженности европейским ценностям (59 % респондентов) [54].

На сегодняшний день Испания продолжает следовать выбранному курсу и активно пропагандирует политику «открытых границ», однако перемены в правительстве и вероятная победа правых партий могут в значительной степени повлиять на спад веры в национальную испанскую идентичность, подвергнувшуюся серьезному испытанию во время миграционного кризиса 2015–2016 гг. Можно предположить, что слабовыраженная национальная идентичность и потенциальная смена политического курса в стране, которой невозможно добиться без поддержки рядовых граждан, в средне- и долгосрочной перспективе могут привести к ослаблению общеевропейской идентичности в Испании.

Заключение

Таким образом, во всех трех случаях миграционный фактор сыграл определенную роль в трансформации общеевропейской идентичности. Только в случае с Грецией произошло дополнительное ослабление изначально крайне слабой самоидентификации населения с уровнем Евросоюза. Показано, что идентичность ЕС в Греции конструировалась в сложных условиях не вполне успешных попыток укрепления экономических позиций и геополитической роли страны в регионе после вступления в Европейские сообщества. В последующий период на эти процессы наслонились миграционные потоки 1990-х годов и тяжелый экономический кризис, от которого Греция не оправилась до сих пор. В Испании другая ситуация — национальная идентичность является слабовыраженной, скорее можно говорить о более сильной и устойчивой самоидентификации жителей с уровнем Евросоюза, который воспринимается в качестве некоторой альтернативы испанскому государству, особенно для национальных меньшинств. В Италии также наблюдается слабовыраженная национальная самоидентификация, однако продолжающийся прием беженцев вызывает негативную реакцию населения по отдельным компонентам общеевропейской идентичности. При этом ни одна из трех стран не ставит под сомнение важность принципа свободного перемещения людей внутри ЕС и шенгенский механизм, хотя с точки зрения геополитического положения южные страны

ЕС обречены на длительное взаимодействие с беженцами и другими категориями иммигрантов.

Литература/References

1. *2016 Report: Situation of Refugees in Spain and Europe. Executive Summary*, available at: <https://www.cear.es/wp-content/uploads/2013/05/Executive-Summary-2016-Report-CEAR.pdf> (accessed: 18.10.2018).
2. *Eurostat. Newsrelease. 4 March 2016*, available at <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/790eba01-381c-4163-bcd2-a54959b99ed6> (accessed: 09.11.2018).
3. *Eurostat. Statistics Explained. Asylum Statistics*, available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Asylum_statistics#Countries_of_destination:_Germany,2C_Italy_and_France_the_main (accessed: 30.10.2018).
4. Chalary, M., Georgas, Th. (2016), Greek National Identity and the Greek Educational System in the Age of Austerity, *MIER Journal of Educational Studies, Trends & Practices*, vol. 6, no. 1, pp. 1–16, available at: https://www.researchgate.net/publication/317664630_GREEK_NATIONAL_IDENTITY_AND_THE_GREEK_EDUCATION_SYSTEM_IN_THE_AGE_OF_AUSTERITY (accessed: 08.10.2018).
5. Costantino, N., *Europe's Identity Problem: Tsipras, Greece and Undesired Agreement*, available at: <http://www.katoikos.eu/dialogue/europes-identity-problem-tsipras-greece-and-the-undesired-agreement.html> (accessed: 03.11.2018).
6. *Greece Course in the EU*, available at: <https://www.mfa.gr/en/foreign-policy/greece-in-the-eu/greeces-course-in-the-eu.html> (accessed: 03.11.2018).
7. *History in the News: Eurini Karamouzi, Greece's European Identity in Crisis*, available at: <https://royal-histsoc.org/eirini-karamouzi-greeces-european-identify-in-crisis> (accessed: 20.11.2018).
8. *The Immigrant Population in Greece Size, Socio Demographic Features and Labour Market Integration*, available at: http://www.antigone.gr/files/gr/library/educational-material/Immigrant_Population_Triantafyllidou%5B1%5D.pdf (accessed: 16.11.2018).
9. Kasimis, Ch. and Kasimi, Ch. *Greece: A History of Migration*, available at: <https://www.migration-policy.org/article/greece-history-migration> (accessed: 17.11.2018).
10. *Greece in Europe: A Short History*, available at: <https://www.theguardian.com/world/2015/jul/03/greece-in-europe-a-short-history> (accessed: 09.11.2018).
11. *What's in a Name? The Reality of First "Reception" at Evros. Aida Fact-Finding Visit in Greece*, February 2015, available at: <https://www.asylumineurope.org/sites/default/files/resources/eu-greece-ecre-evros.pdf> (accessed: 21.10.2018).
12. *Eurobarometer 71. Future of Europe*, Fieldwork: June–July 2009, publication: January 2010, available at: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf (accessed: 16.11.2018).
13. Tidey, A., *Greek Bailout. The Economy before and after*, available at: <https://www.euronews.com/2018/08/20/greek-bailout-the-economy-before-and-after> (accessed: 17.11.2018).
14. Williams, A. *Unique EBRD Survey sheds light on the impact of change on people's lives*, available at: <https://www.ebrd.com/news/2016/unique-ebrd-survey-sheds-light-on-the-impact-of-change-on-peoples-lives.html> (accessed: 01.12.2018).
15. *Standard Eurobarometer 88. Autumn 2017. Report. European Citizenship*, Fieldwork: November 2017, available at: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/82871> (accessed: 02.12.2018).
16. *Eurobarometer. Public Opinion in the European Community*, no. 19, June 1983, available at: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb19/eb19_en.pdf (accessed: 28.11.2018).
17. *Eurobarometer. Public Opinion in the European Union*, Report no. 53, Release: October 2000, Fieldwork: April–May 2000, available at: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb53/eb53_en.pdf (accessed: 11.11.2018).
18. *Eurobarometer. Public Opinion in the European Union*, Report no. 60, Fieldwork: October–November 2003, Publication: February 2004, available at: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb60/eb60_rapport_standard_en.pdf (accessed: 23.11.2018).
19. *Eurobarometer. Public Opinion in the European Community*, no. 35, June 1991, available at: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb35/eb35_en.pdf (accessed: 09.11.2018).
20. *Eurobarometer 85, Spring 2016, Report. European Citizenship*, Fieldwork: May 2016, available at: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905> (accessed: 11.12.2018).

21. *Special Eurobarometer 469. Report. Integration of Immigrants in the European Union*, available at: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/82537> (accessed: 03.11.2018).
22. *Greece has the means to help refugees on Lesbos — but does it have the will?*, available at: <https://www.theguardian.com/global-development/2018/sep/13/greece-refugees-lesbos-moria-camp-funding-will> (accessed: 29.11.2018).
23. Cartocci, R. (1994), *Fra Lega e chiesa. L'Italia in cerca di integrazione*, Mulino, Bologna, 216 p. (In Italian)
24. *Galli della Loggia E. L'identità italiana* (2010), Mulino, Bologna, 199 p.
25. Agnew, Jh. (2017), Working the Margins: The Geopolitical Marking of Italian National Identity, *Carte Italiane*, vol. 2, iss. 11, pp. 3–19.
26. Woolf, S. (2009), *Uso e abuso del Risorgimento nell'Italia repubblicana*, in *Farsi italiani. La costruzione dell'idea di nazione nell'Italia repubblicana*, ed. by Bini, A., Daniele, C. and Pons, S. Annali della Fondazione Giangiacomo Feltrinelli Press, vol. 45, Milano, pp. 3–14.
27. *Eurobarometer 62. October 2004. Public opinion in the European Union*, Fieldwork: October-November 2004, available at: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb62/eb_62_en.pdf (accessed: 21.11.2018).
28. *Eurobarometer 70. June 2008. Public opinion in the European Union*, Fieldwork: October-November 2008, available at: https://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb71_std_part1.pdf (accessed: 09.11.2018).
29. Diamanti, I. *Orgoglio nazionale senza lo Stato*, available at: <https://ricerca.repubblica.it/ricerca-repubblica?query=Orgoglio+nazionale+senza+lo+Stato+&view=repubblica> (accessed: 11.10.2018).
30. *Italy migrant crisis: More than half of Italians worried about immigration issue*, available at: <https://www.express.co.uk/news/world/835661/Italy-migrant-crisis-EU-Europe-borders-immigration-issue> (accessed: 11.10.2018).
31. *5 things to know about Italy's plan for immigration*, available at: <https://openmigration.org/en/analyses/5-things-to-know-about-italys-plan-for-immigration/> (accessed: 10.10.2018).
32. *Understanding the “conflicted middle” in Italy*, available at: <https://openmigration.org/en/analyses/understanding-the-conflicted-middle-in-italy/> (accessed: 10.10.2018).
33. *Standard Eurobarometer 89. Spring 2018. First results. Public Opinion in the European Union*, Fieldwork March 2018, available at: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/83548> (accessed: 15.11.2018).
34. *Italian government approves Salvini bill targeting migrants*, available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/sep/24/italian-government-approves-bill-anti-migrant-measures-matteo-salvini> (accessed: 28.03.2019).
35. *Italy's new security decree clamps down on immigration*, available at: <https://www.euronews.com/2018/11/29/italy-s-new-security-decree-clamps-down-on-immigration> (accessed: 28.03.2019).
36. *What did the populists achieve for the first 100 days of their rule*, available at: <https://www.dw.com/ru/чего-добились-популисты-в-италии-за-первые-100-дней-правления/a-45397056> (accessed: 28.03.2019). (In Russian)
37. *Italy migrant crisis: Government passes tough bill*, available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-45625833> (accessed: 28.03.2019).
38. *Italian government adopts hardline anti-migrant decree*, available at: <https://www.aljazeera.com/news/2018/09/italian-government-adopts-hardline-anti-migrant-decree-180924114249859.html> (accessed: 28.03.2019).
39. *Italy's new security decree clamps down on immigration*, available at: <https://www.euronews.com/2018/11/29/italy-s-new-security-decree-clamps-down-on-immigration> (accessed: 28.03.2019).
40. *Italy and immigration: Europe's Achilles' heel*, available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/01/14/italy-and-immigration-europes-achilles-heel/> (accessed: 28.03.2019).
41. *L'identità nazionale degli italiani*, available at: http://lightstorage.ecodibergamo.it/media/attach/2010/07/reportSEAT_identita_WEB_BERGAMO_11_06_2010.pdf (accessed: 28.03.2019).
42. *Il 50 % degli italiani sente legami con la propria città o Regione, prima che con l'Italia*, available at: <https://www.fanpage.it/1-cittadino-su-4-si-sente-soprattutto-italiano-ma-il-50-guarda-prima-all-identita-locale/> (accessed: 28.03.2019).
43. González-Enríquez, C. (2017), *The Spanish Exception: Unemployment, inequality and immigration, but no right-wing populist parties. Working paper*, Elcano Royal Institute Principe de Vergara, Madrid, 42 p.
44. Ruiz-Jiménez, A. M. (2017), Country-level Variables and Imagined National Communities Within EU-15 Countries, *Política y Sociedad*, available at: <https://revistas.ucm.es/index.php/POSO/article/view-File/50089/50559> (accessed: 08.10.2018).

45. González-Enríquez, C. *El declive de la identidad nacional Española*, available at: www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/demografia+y+poblacion/ari50-2016-gonzalez-enriquez-declive-identidad-nacional-espanola (accessed: 8.10.2018).
46. *Eurobarometer 58. October 2002. EU-15 Complete Report. Public opinion in the European Union*, Fieldwork: October–November 2002, available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb57/eb57_en.pdf (accessed: 27.10.2018).
47. *Eurobarometer 84. November 2015. Public opinion in the European Union*, Fieldwork: November 2015, available at: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/71806> (accessed: 07.10.2018).
48. Stokes, B. *Euroscepticims Beyond Brexit: Significant Opposition in Key EU Countries to an Ever Closer Union*, available at: <http://www.pewglobal.org/2016/06/07/euroskepticism-beyond-brexit/> (accessed: 17.10.2018).
49. *International Migration Outlook 2011. Country Note: Spain. Organization for Economic Cooperation and Development (OECD)*, available at: <http://www.oecd.org/migration/imo> (accessed: 17.10.2018).
50. *A political laboratory: how Spain closed the borders to refugees*, available at: <https://openmigration.org/en/?s=A+political+laboratory%3A+how+Spain+closed+the+borders+to+refugees> (accessed: 19.10.2018).
51. *Spain's right whips up fear as migration surge hits Andalusian shores*, available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/05/spain-rightwing-parties-spar-immigration-surge-boats> (accessed: 28.10.2018).
52. *Why 160,000 protesters in Barcelona want Spain to welcome more refugees*, available at: <https://www.csmonitor.com/World/Europe/2017/0219/Why-160-000-protesters-in-Barcelona-want-Spain-to-welcome-more-refugees> (accessed: 18.10.2018).
53. Arango, J. (2013), *Exceptional for Europe? Spain's Experience with Immigration and Integration*, Migration Policy Institute, Washington, D. C., 22 p.
54. *Eurobarometer 57.2. Basic English Questionnaire*. Fieldwork: April–June 2002, available at: http://info1.gesis.org/dbksearch/file.asp?file=ZA3640_bq_en.pdf (accessed: 28.03.2019).
55. *Vox, a la 'reconquista' de Andalucía*, available at: <https://www.laopiniondemalaga.es/buzzeando/2018/11/12/vox-renconquista-andalucia/1046509.html> (accessed: 29.03.2019).
56. *What helped the ultra-rights in Spain to ascend to power first time since Franco's era*, available at: <https://profile.ru/politics/europe/chto-pomoglo-ultrapravym-v-ispanii-vpervye-so-vremen-franko-prorvatsya-vo-vlast-65050/> (accessed: 29.03.2019).

Статья поступила в редакцию 26 декабря 2018 г.

Статья рекомендована к печати 25 июня 2019 г.

Контактная информация:

Хахалкина Елена Владимировна — д-р ист. наук, проф.; ekhakhalkina@mail.ru
 Андреев Константин Павлович — ассистент; andrejew92@mail.ru

European identity on the example of the southern EU countries in the context of the migration crisis of 2015–2016

E. V. Khakhalkina, K. P. Andreev

Tomsk State University,
 36, Lenina pr., Tomsk, 634050, Russian Federation

For citation: *Khakhalkina E. V., Andreev K. P. European identity on the example of the southern EU countries in the context of the migration crisis of 2015–2016. Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, vol. 12, issue 3, pp. 377–395.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.308> (In Russian)

This article aims to identify the impact of the migration crisis of 2015–2016 on the state of common European identity and its relationship with the level of national identity on the ex-

ample of the three southern EU countries — Greece, Italy and Spain — which assumed the main burden of receiving and accommodating refugees. The urgency of the problem posed is caused not only by the continued influx of illegal migrants into the EU, but also by placing on the agenda issues of strengthening solidarity within the European Union against the background of migration challenges and the need for a qualitatively new understanding of the role of the national state in rapidly changing international conditions. The authors, based on the processing of a significant array of statistical materials and public opinion polls, have made three important conclusions: 1) Italy and Spain belong to the states with implicitly expressed national identity; Greece, on the contrary, from the very beginning of their presence in the European communities, was a model of pronounced national identity, which over time came into collision with the level of European identity; 2) The population of these countries, with a certain level of skepticism, generally relates to the European Union, however, such EU achievements as freedom of borders do not cause any sharp rejection in dynamics, as one could have admitted against the background of migration processes, nor a strong sense of support. Rather, on the contrary, all of these countries are more concerned with the state of the economy and rising unemployment; 3) The migration crisis of 2015–2016 almost did not have a noticeable impact on EU ownership in Greece; in other southern countries, Italy and Spain, on the contrary, the situation worsened, and the factor of illegal migration markedly reduced the level of support for a “United Europe” in Italy and Spain.

Keywords: national identity, EU identity, solidarity, borders, immigration, European Union.

Received: December 26, 2018

Accepted: June 25, 2019

Author's information:

Elena V. Khakhalkina — PhD in History, Professor; ekhakhalkina@mail.ru

Konstantin P. Andreev — Assistant, postgraduate student; andrejew92@mail.ru